

УДК 316(470)
ББК 60.55
P81

Рощин, Алексей.

P81 Страна утраченной эмпатии. Как советское прошлое влияет на российское настоящее / Алексей Рощин. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-103994-3

СССР прекратил свое существование почти 30 лет назад. Однако он навсегда оставил неизгладимый след в психологии постсоветского общества. Действительно ли идеи социализма не реализовались? Почему политической стабильностью страна обязана женщинам? Как на самом деле формировалась терпимость общества к действиям госорганов? На эти и многие другие вопросы отвечает Алексей Рощин в своей книге. В течение пяти лет он провел масштабное социологическое исследование жизни бывшего «совка» и выяснил, удалось ли все-таки СССР создать НОВОГО человека.

УДК 316(470)
ББК 60.55

ISBN 978-5-04-103994-3

© Рощин А.В., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ВВЕДЕНИЕ

Вот все говорят — «совок», «совок»... Одни жалуются, что «народ не тот попался», другие их в этом обвиняют: «Ага! Вам еще и народ какой-то другой подавай! Убирайтесь-ка лучше в свой Израиль!» В общем, одни обличают, другие обижаются, но ясно, что тема актуальна. Такое неоднозначное отношение к своему народу — а значит, к самим себе — прорывается постоянно.

С одной стороны, любим кичиться, что «мы — белые люди», «европейцы» (не то что какие-то азиаты или, прости Господи, «лица кавказской национальности»), словом, не дикари. С другой — какой-то тайный зуд, национальный комплекс неполноценности не дает покоя, похоже, даже самым истовым русофилам и «путинолюбам». Есть у наших людей подозрение, что мы — какие-то не такие. То ли не совсем белые, то ли не совсем люди. Возможно, даже наверняка лучше, чем то и другое. У нас ведь «особый путь», и Христа мы славим правильнее всех.

Но все-таки, все-таки...

Так все-таки — кто мы? Такие же, как все? Или у нас «особый путь» и «Третий Рим»? Или — Азия-с, «Азиопа»? Или, может быть, справедлив компромисс, предложенный Галковским, — мол, русские — это «самая глупая белая нация»?

Как нам к себе относиться? Согласитесь, от этого многое зависит. Какие-то шаги будут эффективны, если иметь в виду «европейцев», и совсем не сработают, если окажутся направлены на носителей сакрального знания о «третьем пути». А меры, рассчитанные на «азиатскую деревенщину», вызовут отторжение у «Европы». Как быть?

Самый простой вариант — постулировать, что мы такие же, как и все, и нечего тут копать. Однако это сомнительно. Как-никак, а у нас за плечами более 70 лет коммунистической диктатуры — опыт уникальный для любого народа. Не стоит забывать, что коммунизм — это ведь была самая настоящая тоталитарная идеология, то есть такая, которая претендовала на контроль не только над поведением индивида в общественных местах и на работе, но и везде: в семейной жизни, на досуге. Государство «совка» хотело знать о своих гражданах все — что они едят, о чем разговаривают у себя на кухне, что читают, какую слушают музыку, изменяют ли супругам. Даже то, о чем они думают, не совершают ли при этом какого «мыслепреступления».

И весь этот тотальный контроль велся не просто так. Коммунисты не скрывали, что они все это проделывают с конкретной целью — «воспитать нового человека».

Огромная государственная машина — а ведь в мире «совка», собственно, кроме нее, ничего и не было — крутилась 70 лет, утюжа три или четыре поколения, произво-

дя из «человеческого материала» нечто новое и невообразимое!

Так почему бы не допустить — хотя бы в качестве гипотезы — что им это, хотя бы отчасти, удалось? И что «новые люди», о которых шла речь, — это и есть мы? Причем не только мы, но и наши дети; ведь если новый человек сделан, то в результате спаривания новых людей будут рождаться на свет тоже новые люди. Не так ли?

Рассмотрим для начала самую распространенную «народную» гипотезу о том, как именно повлияло 70-летнее коммунистическое правление на состояние нынешнего народонаселения.

Ч А С Т Ь I
«СОВОК» ПО СУТИ

«ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Популярное воззрение заключается в том, что «большевики уничтожили цвет нации» — частью расстреляли, частью сгноили в ГУЛАГе, частью выслали из страны. И от этого, мол, все беды — стало появляться гораздо меньше талантливых ученых, деятелей искусств и прочего, потому что «испортили генофонд». При этом приверженцы такого мнения часто крайне смутно представляют, что такое «генофонд нации», как именно и какие «гены» влияют на проявление талантов в области науки и искусства, что, впрочем, никак не влияет на их абсолютную убежденность в своей правоте.

В ответ на это сторонники СССР не без оснований тут же вспоминают про ракеты, перекрытый Енисей и несомненные успехи совка в области балета. При объективном рассмотрении можно найти и еще массу примеров, подтверждающих, что с талантами в СССР — в самых разных областях — дела обстояли вовсе не так уж катастрофично.

Однако дело даже не в этом.

Человеку, знакомому с современной генетикой и психологией, прекрасно известно, что столь сложные и многоуровневые функции, как «талант» и «интеллект» очень слабо соотносятся с наследственностью.

Интеллект — птица вольная, вьет, где хочет. Да оно и понятно: если бы дело обстояло иначе, сейчас в Академиях наук заседали бы сплошь внуки Эйнштейна и дети Ландау. То же и с талантами: потомки выдающихся писателей и художников нередко проявляют выдающиеся способности только в проматывании доставшегося материального наследства, но никак не в творчестве.

Таким образом, теорию «оскудевшего генофонда» можно смело признать несостоятельной. Никакой прямой связи между генами и разнообразием творческих и научных потенций общества, по всей видимости, нет. Что же тогда? Или, может быть, стоит признать «нулевую гипотезу», которая говорит о том, что большевики, при всем старании, все же никак не могли изменить нас? Кишка у них тонка! На генном уровне модификация невозможна, значит, она вообще невозможна! Не так ли?

Но не будем торопиться с выводами.

ЭКСПЕРИМЕНТ С ШЕСТЬЮ ОБЕЗЬЯНАМИ

Этологи — специалисты, изучающие поведение животных, — провели за последние сто лет тысячи разных экспериментов с обезьянами, но один из них, на мой взгляд, особенно красив. Редко кому удавалось достичь на этой ниве не то что блестящих научных результатов, но и самых настоящих философских глубин.

Вот его описание. В большой, просторной клетке обитают шесть обезьян. В дальнем углу клетки затейники-экспериментаторы подвешивают целую гроздь спелых, вкусных, соблазнительных фруктов. Рано или поздно одна из обезьян обнаруживает это богатство и, естественно, тянет к лакомству передние конечности. За ней начинают подтягиваться и другие обезьяны. Но, не успевают они до них даже дотронуться, как происходит страшное: в клетку с диким шумом и гиканьем врывается целая орава экспериментаторов, которые, оказывается, все это время были начеку и только ждали момента!

В итоге нежданно-негаданно на бедных обезьян обрушивается страшная кара: в руках у экспериментато-

ров — мощные брандспойты, всех без разбору обезьян безжалостно поливают водой и сгоняют их в противоположный от лакомства угол клетки. Через некоторое время они уходят, и на «поле боя» остаются лишь обитательницы клетки — жутко напуганные, до костей вымокшие и замерзшие.

Через какое-то время другая обезьяна пытается все же подобраться к фруктам — и сцена повторяется, а на полу клетки появляются новые лужи воды. Все, урок усвоен! Наши человекообразные родственники занимаются в клетке своими делами, и ни одна даже не смотрит в сторону по-прежнему аппетитно висящих в дальнем углу фруктов.

До сих пор в эксперименте не было ничего интересного — так, обычное научение с отрицательным подкреплением. Но терпение! Самое интересное только начинается.

Когда обезьяны окончательно успокаиваются, экспериментаторы аккуратно изымают из клетки одну обезьяну и выпускают вместо нее другую, «новенькую». «Новенькая» знакомится с «соседками по общежитию», начинает обследовать клетку и, естественно, натывается на ту самую гроздь лакомства. Едва только она собирается закусить — к ней мгновенно с криками бросаются сразу несколько «старых» обезьян и, схватив «за руки», оттаскивают прочь. В крайнем возбуждении они втолковывают «новенькой», что эти фрукты брать нельзя! Нет! Еще бы — они-то знают

на своем горьком опыте, чем это чревато для обитателей клетки...

«Новенькая» быстро соображает, что к чему, и тоже, как и все, больше не делает даже попыток подойти к нахально ввешенному лакомству.

Тогда экспериментаторы идут на следующий шаг: они забирают из клетки еще одну «старенькую», пережившую налет с брандспойтами, обезьяну — и так же заменяют ее «новенькой». С ней происходит та же история: она натывается на фрукты в дальнем углу, пытается ими полакомиться, но на нее налетают остальные и, громко визжа, предупреждают о недопустимости этого. Характерно, что в церемонии «убеждения» принимает активное участие и та, что была «вброшена» в клетку недавно, перед этой обезьянкой.

Далее процедура повторяется еще четыре раза: экспериментаторы последовательно убирают из клетки «старый состав» и заменяют его — по одному — на «новеньких». В конечном итоге наступает апофеоз: в клетке сидят шесть обезьян, которых никто и никогда не поливал из брандспойта, на которых вообще никогда не обрушивалась никакая внешняя кара за попытки полакомиться, — но тем не менее все они полностью игнорируют свежие, аппетитные фрукты в зоне прямой досягаемости. То есть ведут себя совсем не так, как, казалось бы, должны себя вести обычные, «простые» обезьяны.

Финита!

Смысл описанного эксперимента куда шире, чем наука этология. Его значение вполне можно распространить и на социологию.

По сути, нам в максимально упрощенном виде продемонстрирована технология, как можно — без всякой генетики — достичь требуемого устойчивого и воспроизводимого поведения в достаточно большой группе.

Можно этот эксперимент мысленно продолжить: к примеру, предположить, что у обезьян в этой же клетке родились дети, подросли, сами стали взрослыми обезьянами — и все они точно так же «знали» бы, что соблазнительные фрукты трогать категорически запрещено!

Можно ли было бы сказать в этом случае, что данное «знание» у этих обезьян «в генах»? Очевидно же, что нет. Это «знание» закреплено не в генах, а социально — в том обществе, которое составляют данные шесть особей.

Мне кажется, что мы вполне вправе говорить о «социалистическом эксперименте» в терминах данного выше «эксперимента с шестью обезьянами». Просто в случае с СССР «клеткой» оказалась $\frac{1}{6}$ часть суши, а «шестью обезьянами» — наши деды, отцы, да и мы сами.

И вот именно в этом смысле я и намерен далее говорить о «психологии «совка».

СТРАНА УТРАЧЕННОЙ ЭМПАТИИ¹

Начнем рассмотрение с одного из наиболее бросающегося в глаза отличия. Многие уже не раз обращали внимание на то, что у нас в России люди как-то на удивление толерантны к огласке различных случаев террора в отношении мирных граждан, садизма, пыток в милицейских отделениях и в тюрьмах, «судебным ошибкам», в результате которых невинные люди получают невероятные сроки, и т. п.

Не раз отмечалось, что россияне удивительно спокойно переживают даже самые шокирующие события в обществе — скажем, случаи насилия и жестоких убийств детей. Европейцы в подобных вопросах гораздо более возбудимы. Их небольшие (по сравнению с российскими мегаполисами) города то и дело сотрясают многотысячные демонстрации и митинги, устраиваемые возмущенными гражданами, узнавшими, к примеру, об орудующей в стране банде педофилов-убийц или о чем-то в этом роде. А что творится, если вскрываются факты пыток со стороны «правоохранителей»!

¹ Э м п а т и я — осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания.

У нас же — тишина. Хотя в средства массовой информации периодически проникают дикие, по европейским меркам, скандалы: то смерть арестованного по ложному обвинению Магнитского в тюрьме от пыток и отсутствия медпомощи; то недавно вскрывшиеся факты истязаний в санкт-петербургских и казанских отделениях милиции; то массовые убийства мирных женщин и детей по типу Куцевки... Можно вспомнить и грандиозные катастрофы, унесшие человеческие жизни, — например, взрывы на шахтах, авария на СШГЭС — в западных странах такие жуткие по своим последствиям события тоже, как правило, становятся поводом для различных акций гражданского протеста. Не говорим уж о таких весьма неоднозначных по результатам действий спецслужб терактах, как «Норд-Ост» и Беслан: во многих странах спецслужбы не смогли бы столь вольно отнестись к сохранности жизней заложников (в особенности женщин и детей) именно потому, что побоялись бы сильного общественного резонанса. Как видим, в России это не создало спецслужбам никаких проблем — никакого «резонанса снизу» просто не было.

Примеров можно привести еще массу, их общая особенность — практическое отсутствие какой бы то ни было реакции российской «улицы», рядовых граждан.

Все российские скандалы, связанные с пытками, убийствами детей, вопиющим глумлением судебной системы над невиновными людьми и пр., носят у нас чисто медийный характер, то есть они начинаются в прессе и в ней же, как правило, и заканчиваются.
